

Счастливый билет

РОМАНЫ

НАТАЛИИ МИРОНИНОЙ

Читайте романы
НАТАЛИИ МИРОНИНОЙ

в серии
«Счастливый билет»

Куколка для Немезиды
Трудное счастье Калипсо
Дочь мадам Бовари
Отказать Пигмалиону
Невеста Всадника без головы
Новая хозяйка собаки Баскервией
Третий брак бедной Лизы
Завтрак для Маленького принца
Свадебное платье мисс Холмс
Дети капитана Гранина
Свадьба собаки на сене
Немного солнца для Скарлетт
Ошибка дамы с собачкой
Муж для дочери Карабаса
В ожидании Синдбада
Волшебная сумка Гермियोны
Московский принц для Золушки
Не разлей вода
Босиком по краю моря
Догнать любовь
Случайные люди
Старинная история
Месяц на море

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Месяц
на море

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Дизайн обложки *Е. Куликовой*

Редактор серии *С. Ленкова*

Миронина, Наталия.

М64 Месяц на море / Наталия Миронина. —
Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-229384-9

Москва и Санкт-Петербург. Два города, два одиноких человека. Она встречается с ним, поверив, что однажды они уже знакомились.

Александра — заведующая кафедрой вычислительной математики МГУ.

Сергей — морской офицер, преподаватель в военном училище.

Удастся ли им по-настоящему узнать друг друга и построить крепкие отношения? «Месяц на море» в очередной раз покажет, что у судьбы на все свои планы. Этот роман о настоящей жизни: тонкая психология героев, душевные разговоры, вкусная еда и... случайности, которые меняют жизнь к лучшему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миронина Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-229384-9

Пролог

Сергей Мефодьевич Колесников, высокий широкоплечий мужчина, оплачивал покупки. Кассирша, ожидая, пока откликнется платежный терминал, с интересом спросила:

— А что готовить будете из говядины? Кусок большой!

— Бешбармак. Блюдо такое. Я его в Казахстане ел. Но его готовят во многих странах Средней Азии.

— Знаю, родители оттуда, — кивнула кассирша. А сама подумала, что жене и детям этого интересного покупателя повезло. — И почему я не ваша супруга, — улыбнулась она, выдавая наконец чек.

Мужчина ничего не ответил, подхватил пакеты и вышел из магазина. «А зачем ты мне такая нужна? За кассой?!» — пробурчал он, подходя к машине. Аккуратно положив пакеты, он сел за руль. Еще через десять минут он уже покупал хлеб — он предпочитал тот, который продавали в магазинчике хлебо-завода. Как обычно, Колесников купил половинку черного «Невского» и булку белого хлеба. Затем был овощной, где он тщательно выбрал красные апельсины.

— Они точно из Испании? — требовательно поинтересовался он у продавца. Продавец захохотал с восточным акцентом. Часто слышалось слово «дарагой!». Колесников морщился, но продолжал выбирать фрукты. — А почему тут нет наклейки? — спросил он внезапно.

— Какой наклейки? — вытаращил и без того огромные глаза продавец.

— На апельсине нет наклейки, что он из Испании. Вот на этом есть. — Мужчина указал на лежащий рядом более бледный фрукт. — А на этом нет.

Продавец на долю секунды замешкался. Затем оторвал наклейку от бледного апельсина и наклеил ее на спелый.

— Вот, теперь есть наклейка! — торжествующе произнес он.

Колесников молча взял фрукт, положил к себе в пакет и пошел к весам. Продавец проводил его взглядом, полным нескрываемой жалости.

Покупки закончились в киоске мороженого: там был куплен пломбир.

Дома Сергей Мефодьевич принялся за дело. Перво-наперво вымыл и поставил на огонь говядину. Затем быстро нарезал салат: креветки, яйцо, пара ложек отварного риса и свежий огурец. Заправлять салат Колесников не стал. «Заправлю перед тем, как сядем за стол», — решил он. Пока варилась говядина на бешбармак, Сергей Мефодьевич замесил крутое тесто, раскатал его на тончайшие пласты и нарезал ромбиками. С такой лапшой в форме ромбов бешбармак подавали в Казахстане. Он это хорошо запомнил. Отдельно мужчина замариновал лук, чтобы посыпать им большое блюдо, на котором будет лежать разварное мясо в окружении сваренной в бульоне лапши.

Стол на две персоны он накрыл на кухне. Белые салфетки, белые тарелки, приборы, украшенные эмалью. На каждой вилке и ложке вид Санкт-Петербурга. Цветов не было, хотя Колесников подумывал купить какую-нибудь хризантему и поставить ее на угол стола.

— Ладно, и без цветов все занято. Овощи, фрукты... блюдо с бешбармаком огромное. Нехорошо, если теснота будет, — пробормотал он.

Испанские апельсины он порезал тончайшими кольцами, сложил в хрустальную салатницу и сбрызнул коньяком. В ограненной посуде оранжево-красные плоды загорелись огнем.

В половине шестого Сергей Мефодьевич прошел по дому и хозяйской рукой поправил и без того идеально лежащие

накидки на креслах и диване. Положил симметрично подушки, искусственную лиану аккуратно разместил на книжных полках. Результатом остался доволен. Только поправил ноты на пианино. «Если будет удобный момент, что-нибудь сыграю», — подумал он. В шесть часов Сергей Мефодьевич переоделся в джинсы и светлую рубашку. Долго стоял перед ботинками, раздумывая, надеть или нет, но в конце концов остался в тапочках.

В дверь позвонили в шесть двадцать. Колесников кинулся открывать. На пороге стояла миниатюрная блондинка.

— Виола! — воскликнул Колесников.

Женщина вошла и огляделась.

— На улице жарко. Даже не скажешь, что сентябрь, — сказала она, передавая плащ Колесникову. Тот повесил на плечики и сделал приглашающий жест:

— Проходи, обед готов.

— Обед? — улыбнулась женщина.

Когда она вышла из полумрака, стало ясно, что ей не меньше сорока. Но черты были правильными, светлые волосы тщательно уложенными, а улыбка приветливой. Она была миловидной и моложавой. Колесников отметил это, но голос у него все равно стал недовольным:

— Ты долго ехала.

— Разве? — удивилась Виола. — Но я же не опоздала.

— Почти не опоздала, — сказал Колесников с видом человека, от которого ничего не ускользает.

— Пять минут, — терпеливо заметила Виола, — всего пять минут.

Она подняла взгляд на Сергея Мефодьевича. Глаза у женщины были необыкновенными: такими темно-синими, что казались почти фиолетовыми.

— Тебя недаром назвали Виолой. Из-за глаз.

— Наверное, — пожала плечами женщина.

Было заметно, что она привыкла к таким комплиентам.

— Так ты нигде не задерживалась? — еще раз спросил Колесников.

— Нет, — пожала плечами Виола, — только сигареты купила.

Колесников поморщился и покачал головой.

— Ты знаешь, что я думаю о курении. Я не зануда, но у меня есть...

— ...свое мнение относительно вредных привычек... — продолжила Виола.

— Не надо ерничать, — серьезно попросил Колесников.

— Я не ерничая. Мне достаточно лет, чтобы понимать, что я делаю. И еще больше лет, чтобы не менять привычки по требованию другого, — спокойно сказала женщина. — Так что с обедом? Пахнет вкусно.

Колесников не знал, как реагировать. Хотелось настоять на своем и прочесть лекцию. Но ведь он так готовил эту встречу, и у него было такое хорошее настроение! Сегодня была важная дата — они с Виолой встречались уже год. И отметить ее хотелось по-домашнему, без посторонних.

— Конечно, проходи. Все готово, стол накрыт.

Виола вошла на кухню. Колесников вдруг заметил, что гостя не сняла туфли. «Паркет у меня хороший, а у нее каблуки... Хотя маленькие. Ничего страшного. Впрочем, в уличной обуви в доме не ходят!» Мужчина захотел сделать госте замечание. Но, взглянув на улыбку Виолы, ее светлые волнистые волосы, миниатюрную грудь под обтягивающим свитером, передумал. Только помог ей сесть за стол.

— Начнем с салата. Потом будет блюдо среднеазиатской кухни — с казахским акцентом. На десерт — пломбир с красными апельсинами.

— Офигеть! — легкомысленно воскликнула Виола.

— Ты хотела сказать «потрясающе»? Или «удивительно»? — снисходительно заметил Колесников.

— Нет, я сказала так, как хотела. Именно — офигеть!

— Ох, Виола... Ты же человек с такой профессией...

— Сережа, я обычный врач. Матом ругаюсь, когда накладываю повязки алкашам. Понимаешь, работа в травме простая и грубая.

— Я предпочитаю думать, что ты врач высокой квалификации. Что твоя научная работа принесет медицине реальную пользу.

— Ты так думаешь? Или так рассказываешь своим знакомым? — улыбнулась Виола.

— Мне нет дела до мнения окружающих.

— Тогда ты бы не интересовался, кому нравятся твои песни. Твоя музыка.

Колесникова передернуло. Он терпеть не мог, когда вот так все обсуждали его творчество.

— Давай обменяемся мнением о салате с креветками? — светским тоном сказал он.

— А мое мнение о твоей музыке тебя не интересует?

— Прости, Виола. Ты прекрасна, но именно это меня не интересует, — вкрадчиво произнес Колесников.

Сергей Мефодьевич начал нервничать: все шло не так, как он планировал. Праздничного и вдохновенного настроения у него оставалось меньше и меньше. В гостях он чувствовал какую-то вызывающую непокорность, а это очень злило.

Виола с аппетитом ела салат.

— Вкусно. Огурцы сюда как нельзя лучше подходят.

Колесников снисходительно посмотрел на гостью.

— Ты часто готовишь салаты? — спросил он с подвохом.

— Вообще не готовлю, — улыбнулась Виола. — Некогда. Но оценить вкус вполне способна. Вот, например, я точно могу сказать, что помидоры были бы лишними.

— Пожалуй, соглашусь, — улыбнулся Сергей Мефодьевич. Он встал, чтобы убрать салатницу с остатками и поставить блюдо с бешбармаком.

— О... — простонала Виола, увидев разноцветную узбекскую тарелку.

— Что? — не понял Колесников.

— Как красиво и как аппетитно! И все, что я люблю! Мясо и тесто!

— Да, я знаю. Мы с тобой как-то говорили об этом. И я запомнил. А сегодня, в годовщину знакомства, решил побаловать тебя. Я хотел бы, чтобы этот день... — начал он.

— Сережа, спасибо тебе. — Виола привстала и потянулась губами к лицу Колесникова. Тот отпрянул, потом смутился, потом зачем-то полез в ящик за вилкой. Женщина, если и замялась, то лишь на мгновение. Она внимательно и серьезно наблюдала за суетой хозяина дома. Когда Сергей Мефодьевич наконец сел на свое место, она спросила: — Все хорошо? Ты как-то разнервничался.

Колесников промолчал, только оттопырил нижнюю губу. Виола еле слышно вздохнула и принялась за бешбармак. Какое-то время стояла тишина.

— Тоже очень вкусно, — ровным голосом произнесла Виола.

— Сейчас небольшой перерыв, а потом... Пломбир с сицилийскими апельсинами.

— Сицилийскими? — удивилась женщина.

— Да, — чуть растерялся Колесников. Апельсины были испанскими, но «сицилийские» звучало эффектнее.

— Хочется покурить, — произнесла Виола. — Я выйду на балкон? А ты пока доедай.

Она встала, прошла в прихожую за сигаретами.

Колесников поморщился. Ему было неприятно, что Виола вот так бросила его за столом. «Плохое воспитание. Нет, простота нравов!» — отметил он про себя.

— Сережа, понимаю: поступаю невежливо. Но я просто сейчас в обморок упаду — так курить хочется!

— Ой, брось. Спорим, не упадешь?! Спорим, что это тебе кажется? Кстати, тебе какой кофе сделать? Может, капучино? Или черный, американо? А могу просто кофе с молоком. Как раньше у нас продавали. — Колесников собирался продолжить разговор, как бы не замечая, что Виола уже держит сигарету и с нетерпением ждет, когда можно будет закурить.

— Сережа, на твой вкус! — ответила Виола и вышла на балкон.

«Совершенно не умеет себя вести. А все оттого, что в этом своем травматологическом пункте подрабатывает. А там эти санитары-мужланы. И фельдшеры», — подумал Колесников.

Он не хотел признаться самому себе, что специально задерживал Виолу разговором.

Через какое-то время он присоединился к ней. На балконе было солнечно. Город лежал в дымке, со стороны залива ползли облака.

— Смотри, опять дождик будет, — сказала Виола. — И это хорошо. К осени над привыкать постепенно. Что такое — жара под тридцать градусов уже неделю стоит.

— Ужасный климат, — резко сказал Колесников.

— Мне кажется, что без этого, как ты выразился, «ужасного» климата город был бы другим.

— Да, более подходящим для жизни.

Виола посмотрела на него.

— Сережа, поверь, ты не видел городов, непригодных для жизни. А такие есть, — Виола рассмеялась, — я ездила, я знаю. Например, Мехико. Что с того, что юг и солнце?!

Колесников промолчал.

— Тебе не интересно, какой климат в Мехико? — поинтересовалась Виола.

Сергей Мефодьевич поджал губы. Виола внимательно посмотрела на него и спросила:

— Кстати, почему ты увернулся, когда я захотела тебя поцеловать? Ведь уже прошел год. Прошел срок, который ты назвал необходимым, чтобы иметь право поцеловаться и вообще... — Виола улыбнулась. Но не смущенно, а скорее ехидно.

— Если ты могла заметить, по этому поводу мы и собрались, — холодно отвечал Колесников. — А что касается целоваться... Ты знаешь, я здоровый мужчина, мне не чужды желания. Но...

— Что — «но»? — повернулась к нему Виола.

— Давай на эту тему не будем говорить на балконе, — сказал Колесников, — а то соседи с удовольствием развлекутся за наш счет.

Они вернулись в квартиру, прошли на кухню. Виола села за стол. Сергей Мефодьевич принялся подавать десерт.

«Могла бы помочь, между прочим, — подумал он. — Домашняя женщина кинулась бы помогать. Хотя бы для того, чтобы понравиться. А Виола...»

Колесников понимал, что его гостя далека от таких мыслей. Во-первых, она и так понимала, что нравится. Во-вторых, не терпела притворства. А в-третьих, особо не стремилась замуж, несмотря на возраст и одиночество. Близких у Виолы не было. Пока Колесников сновал по тесной кухне, Виола рассматривала чашку.

— Знаешь, буду черный кофе, если можно, — без эмоций произнесла Виола. Таким обычно обращаются к официантам.

— Думаю, надо выпить капучино. К пломбиру с апельсинами...

— Сережа, я хочу черный кофе, — улыбнулась Виола.

— Капучино считается десертом, а потому... — словно не слыша, говорил Колесников.

— Я хочу черный кофе.

— Я слышал, — повернулся к ней Сергей Мефодьевич, — слышал. Но черный кофе мы выпьем, когда...

— Черт побери! Бл...ть! — Виола вдруг повысила голос. — Ты не слышал, что я не хочу капучино?! Не хочу! Я хочу черный кофе. Я сказала тебе об этом три раза. Почему ты настаиваешь на том, чего мне не хочется?! Почему ты не отвечаешь на мои вопросы?! Почему ты не считаешь нужным пояснить ситуацию?!

Колесникова передернуло.

— Ты кричишь? Ругаешься? Матом?!

— А ты не слышал никогда матерных слов? — засмеялась Виола. — Ты у нас из института благородных девиц?

— Ты как ведешь себя? — глаза Колесникова вылезли из орбит. — Ты же женщина!

— Да неужели, — рассмеялась Виола, — женщина? Ты ничего не путаешь? За год ты ни разу не подал мне руки, когда я выходила из машины, автобуса или трамвая! За год ты ни разу не взял меня под руку и не позволил взять под руку себя. За год ты не обнял меня. Да что там обнял! Ты не прикос-

нулся ко мне. Я тебе неприятна? От меня плохо пахнет? Тебе стыдно, что я рядом? В чем дело? Я с друзьями своими более близка, чем с тобой. Кто я для тебя? Кто ты для меня? Друг? Мне друзья не нужны. Они у меня есть. Мне нужен мужчина. Заботливый, которому нужна я, который ценит мою близость, который, в конце концов, любит меня. Год мы с тобой вместе? У меня испытательный срок? Он еще не закончился?

Колесников замер. Он не ожидал, что гостя заговорит на эту тему.

— Ну, все ясно... — произнес он, презрительно оттопырив губу.

— Нет, тебе ничего не ясно. Тебе не ясно, что в отношениях требуется честность. Да, требуется терпение. И никто не может обвинить меня в его отсутствии. Но когда мужчина пытается командовать, перекраивать мою жизнь по собственным лекалам, высмеивать или игнорировать то, что мне приятно и дорого, у меня возникают к этому мужчине вопросы. Но на вопросы ты не отвечаешь! Ты отмалчиваешься. Тогда мне остается высказать тебе все в лицо. — Виола перевела дух. Она не говорила громко, но в тоне сквозило напряжение обиды, и поэтому слова собеседницы словно хлестали Колесникова по лицу.

— Послушай, я всегда считал, что мы с тобой люди умные, способные договориться. — Сергей Мефодьевич попытался сохранять спокойствие. — Если тебе что-то не нравилось, ты могла...

— Я ничего не могла! — улыбнулась Виола. — Ты ничего не слышал. Как сейчас. Когда я говорила про кофе.

— Это такая ерунда! — развел руками Колесников.

— Ошибаешься. Это вся жизнь. Кофе, передача, фильм, книга, путешествие. Ты никогда не слышал меня.

— Зачем же ты...

— Не знаю, всегда казалось, что вот-вот, вот-вот... И ты повернешься, ты переспросишь, ты уточнишь, ты заинтересуешься...

— Господи, ты меня пугаешь! Зачем столько эмоций...

Виола замолчала и внимательно посмотрела на Колесникова.

— Да ты просто козел! — сказала она и пошла к двери.

Дверь хлопнула, а Сергей Мефодьевич подумал, что в последние годы он этот звук слышит очень часто. Равно как и слово «козел».

Глава первая. Москва

Александра Львовна Архипова, заведующая кафедрой вычислительной математики МГУ, была женщиной одинокой. Про таких говорили, мол, «прошлапила свое счастье», «была слишком разборчива». Но про Архипову так говорить не стоило. При всем своем высокомерии она умела идти на компромисс, могла где-то промолчать, в чем-то уступить. История ее любви к писателю Морковкину тому пример. Наверное, из них вышла бы неплохая семья, но... Но не стоило писателю Морковкину быть чересчур хитроумным, не стоило недооценивать Александру. А самое главное — нужно было быть милосердным. Наверное, ему в свое время нужно было навестить больную Архипову. Этого не произошло, и роман, который так хорошо начинался, закончился расставанием.

Жалела ли об этом Александра? Если и жалела, то об этом никто не знал. Даже ее дочь, которая по-прежнему жила между Москвой и Барселоной, защищая диссертации и овладевая сложной врачебной профессией. Семьи у дочери пока не было, но была достаточно бурная личная жизнь. Иногда Архиповой хотелось серьезно поговорить с дочкой и объяснить, что семья и дети — это очень важно, а одиночество — не самый лучший исход жизни. Но как только Александра произносила первое слово, дочь твердо произносила:

— Мама, не трать силы. Я обо всем догадываюсь...

Архипова замолкала — дочь была с характером, поучать ее было делом неблагодарным. Да и как объяснить, что та-

кое одиночество? Что такое пустой и тихий дом, выходные без хлопот, жизнь без ссор и примирений, без вечеров, когда даже молчание другого человека придает силы и дарит спокойствие. Александра понимала, что это объяснить невозможно. Особенно если адресат из другого поколения, если ему в сутках мало двадцати четырех часов.

Сама Александра давно думала о том, как она будет встречать дни, когда работа станет отнимать совсем мало времени. «Мне повезло: я работаю с молодыми и среди молодых», — радовалась Архипова.

С уходом Григория Наумовича Чистякова, предыдущего заведующего кафедрой, коллектив очень помолодел. Вслед за патриархом ушли все те, кто уже давно должен был оказаться на пенсии. На смену пришли молодые зубастые волки, как выразилась Архипова в разговоре с коллегой Лушниковым.

— Они будут грызть стены этого старого грандиозного дома. Им здесь будет тесно. И мы тоже им помешаем, — сказала тогда она.

— Мешать им будешь ты. Только ты им конкурентка. Остальных — и меня в том числе — они не боятся. Мы для них слабые звенья.

Архипова промолчала. В словах Лушникова она отмечала только часть правды. Среднее поколение кафедры состояло из профессионалов, которые расслабились под демократичным правлением семидесятилетнего Чистякова. Платили хорошо, на заседаниях не ругали. Замечания и недовольство Григорий Наумович выказывал исключительно в беседах наедине с провинившимся. При этом завкафедрой, не имея склонности к сплетням, каким-то удивительным образом был в курсе личных проблем подчиненных и относился к тем проблемам очень деликатно. Складывалось ощущение, что кафедру с ее людьми, характерами, трудностями и особенностями освещала большая лампа. Так комнату освещает лампа под абажуром, и от ее света не ускользает ни одна деталь. Чужаков, с которыми не сходилась взглядами, Чистяков старался к себе не брать. А своих перед высоким начальством завкафедрой

защищал как самого себя. Поэтому все оставались в зоне комфорта. Только уход Чистякова на покой привел к кадровым обновлениям.

Новые сотрудники оказались другими. Для некоторых из них МГУ был высотой почти недостижимой: покорение такой высоты будило карьерные аппетиты. Архипова это понимала. Но ей всегда нравилась человечность старого Чистякова. И она решила, что управлять станет так же, как и он. Кроме того, Александра Львовна любила работу, лекции читать не бросила, а студенты по-прежнему ее боготворили. «Я совершенно счастливый человек!» — порой думала Архипова. Для нее труд был одним из важнейших вопросов жизни.

В суете и круговерти будней она переставала думать о том, о чем думает большинство одиноких женщин, — о будущем и о мужчинах. Архипова пользовалась успехом — и даже на кафедре вокруг нее витало нечто, что будоражило коллег и студентов. Этого внимания иногда казалось вполне достаточно. Близкие отношения у нее случались, но всегда оканчивались расставанием. А «вечный» Станислав Игоревич Бажин — когда-то любовник, а теперь старинный друг — стал фигурой привычной, к которой испытывают чисто дружеские или родственные чувства.

Время благоволило Архиповой. Наверное, потому что она никогда не сетовала на скорость, с которой пролетают дни. Архипова не привыкла разглядывать себя в зеркало, а потом поджимать губы и вздыхать, мол, «годы летят, а морщин все больше и больше». Она соблюдала несколько правил: стоматолог — два раза в год, косметолог — два раза в месяц. Причем косметологу позволялось сделать только чистку и массаж. Никаких уколов и подобных манипуляций Александра не признавала. Еще она иногда ходила в бассейн и обожала проводить время на солнце, а потому выглядела свежей и молодой. Если бы тот самый писатель Морковкин встретил ее на улице спустя три года с момента знакомства, он бы признался, что Александра совершенно не изменилась. От зави-

сти и злости он сказал бы какую-нибудь гадость, забыв, что Архиповой помогали оставаться красивой ее характер, умение радоваться и событиям, и людям. Морковкин все время забывал, что человек со знаком «плюс» всегда выигрывает.

Архипова выглядела лет на сорок пять, а была чуть-чуть постарше. Привлекали внимание ее короткие темные волосы, белозубая улыбка на смуглом лице и веселый добрый взгляд. Она не стеснялась смотреть людям в глаза, а те отвечали, как правило, улыбкой. Александра вызывала симпатию у прохожих, ответственных работников, водителей такси и охранников. Ей стремились помочь, подсказать, донести тяжелую сумку, показать дорогу. С ней не боялись заговаривать, несмотря на яркую внешность и дорогой элегантный стиль одежды. Это потом люди могли познакомиться с ее язвительной наблюдательностью и острым языком. Впрочем, Архипову надо было сильно разозлить, чтобы она пустила в ход это оружие.

Личная жизнь Александры после расставания с писателем Морковкиным имела вид крутого сериала. Летние соревнования по яхтингу, в которых принимала участие и дочь Архиповой, беспокойное море, песчаные пляжи, яркое солнце, общество молодых загорелых юношей и девушек — она окунулась в этот мир с удовольствием. Александра с гордостью смотрела на дочь, которая ловко управляла парусом. «Вот зачем я на нее давлю? Какая семья? Какие дети?! — думала она. — Не нужно пока. Придет время — и все устроится. А сейчас пусть наслаждается свободой...»

— Команда под парусом с чайкой самая сильная! — произнес кто-то рядом. Архипова подняла голову. Рядом стоял загорелый мужчина в синих шортах. Футболку он держал в руках. Александра обратила внимание на его атлетическую фигуру.

— На этой лодке моя дочь! — вырвалось у нее.

— Поздравляю. Это команда профессионалов.

— Что вы! Она врач. У нее сложная медицинская специализация... — улыбнулась Архипова.

- Она прекрасная спортсменка, — заметил мужчина.
- Мне кажется, что эти два занятия чем-то схожи.
- Согласен. — Собеседник опустился на песок рядом с Архиповой. — Разрешите?
- Конечно, — рассмеялась она, — здесь огромный берег.
- Да, я люблю Финский залив. — Мужчина закинул голову, улыбнулся кронам прибрежных сосен.
- А для меня вода здесь холодновата. И дно мелкое.
- Ну, для пловцов-любителей обстановка не очень комфортная, согласен, — рассмеялся мужчина, а потом представился: — Вадим.
- Александра, — ответила Архипова.
- Отличное имя, звучное!
- Александра внимательно посмотрела на мужчину.
- Второй раз слышу подобное замечание.
- Значит, я все же не ошибаюсь. И потом, почему вас это так удивило? Имя действительно такое — звучное, весомое.
- Согласна, — кивнула Архипова, — но про ваше имя ничего не могу сказать...
- И не надо, — улыбнулся Вадим, — мы же не на дипломатическом приеме.
- Тоже верно, — согласилась она и спросила: — А вы тут, как и я, зритель из числа родственников?
- Нет. Я здесь как сотрудник. Я работаю, обслуживаю яхты.
- А... — Архипова запнулась. Она хотела спросить, кто он по профессии, но не сообразила, как это деликатнее сделать.
- Все понял, — покосился на нее Вадим, — я механик. На торговом судне работал. Потом уволился на берег. Сейчас работаю здесь. В этом яхт-клубе. Но это так, почти шефская помощь и любовь к парусам. А вообще, у меня свой бизнес. Морские перевозки. Но ничего глобального — в границах Ленинградской области и соседних районов.
- Что вы! Я не имею привычки задавать нескромные вопросы о размерах бизнеса, — рассмеялась Архипова, чем смутила Вадима.

— Да я вообще ничего такого не имел в виду. Не хотел показаться нескромным.

— Я поняла, — мягко произнесла Архипова. Мужчина был симпатичен ей: красив, силен и при этом не самоуверенный хлыщ. «А мог бы, — подумала Александра. — Загорелый, высокий, лицо морского волка — обветренное и волевое. Да и одет вполне — шорты дорогие, сидят идеально».

— Вы что вечером делаете? — спросил внезапно Вадим. — Яхтсмены сегодня гуляют. У них заказан ресторан. Целых два зала. Может, поужинаем?

— С удовольствием, — ответила Архипова. — Во сколько и где?

— Я заеду за вами. Вы же в «Медузе» живете?

— Да, в замечательном отеле с таким неаппетитным названием.

— Да, — Вадим расхохотался. — Но владельцы упрямы, не меняют его вот уже четыре года.

— Значит, «поперло»... — хмыкнула Архипова.

— А вы еще и преферанс играете?

— Играю. И в преферанс. А еще и обучаю этим играм. И когда-то это был мой единственный заработок. Знаете, собирала компанию желающих. Чаще всего солидные дядечки из банков, всякие там топ-менеджеры... Хороший виски, немного печенья, легкие закуски — мне это почти ничего не стоило, но народ засиживался до ночи. Всем нравились атмосфера и возможность получить солидный навык. Эти карточные игры помогают в серьезном бизнесе. Мне не раз это говорили ученики.

— А меня научите? — улыбнулся Вадим.

— А вам надо оно? Вам лоск и солидность придает близость моря. Яхта — это, знаете ли, аристократично.

— Яхта — это тяжелый труд и реальная опасность, — серьезно возразил Вадим.

Ужинали они в местном ресторанчике под названием «Камбуз». Здесь подавали салаку на чугунной сковородке, молоко в сухарях, картошку в мундире и овощи, порезанные

крупными ломтями. Архипова блаженствовала. Она заказала пиво и наслаждалась жизнью. Ее новый знакомый оказался мил, заботлив и всем видом показывал, что она ему очень нравится. В разгар ужина зазвонил мобильник: «Мама, ты с Вадимом Харитоновым ужинаешь? Здорово! Он отличный! И очень ответственный. Давно его знаю! Кстати, разведен и сейчас совсем свободен!» — протараторила дочь. Архипова смутилась, Вадим, если и понял, что разговор шел о нем, то виду не подал.

— Дочь, — произнесла Александра.

— Все нормально? Тебе не надо спешить?

— Нет, все более чем нормально! — рассмеялась Архипова. Вечер ей показался восхитительным.

Вадим и Архипова стали встречаться. То, что они жили в разных городах, их не смущало. Оба хорошо зарабатывали — купить билет не было проблемой. В Петербурге они жили у Вадима, в Москве — у Александры. Ее квартира на Соколе по-прежнему блестела. Вадим тоже оказался фанатом чистоты: недаром яхты были его любовью.

— Грязи на корабле быть не может. По определению. Потонет иначе корабль. Это вопрос жизни и смерти, — говорил он.

Архиповой Вадим нравился. Очень. Все в нем было не таким, как в Морковкине, память о котором была еще жива. Вадим искренне хвалил, никогда зло не подшучивал, не хитрил. Во всяком случае, Архипова на этом его не ловила. И взгляд на жизнь и на людей у Вадима был иной. Он был человеком с положительным зарядом.

— Что, никто не бесит? Не раздражает? Ты доволен жизнью? — однажды спросила она его.

— Это моя жизнь, почему я должен быть ею недоволен? Поступки — да, иногда сожалеешь о них. Но жизнь... Нет, я доволен. Мне кажется, я делал все правильно и особо не пакостил людям.

Архипова наблюдала за ним и понимала, что этот человек не врет. Он мог быть резким, мог быть прямолинейным, но не хитрым и лживым, не преследовал корыстных целей. Она